

«КУПЕЦ РЕВОЛЮЦИИ»

ПАРВУС И ГЕРМАНО-БОЛЬШЕВИЦКИЙ ЗАГОВОР

Имя Парвуса современному русскому и особенно советскому читателю почти неизвестно. А между тем 50-60 лет тому назад о Парвусе много писали и в русской и в западноевропейской и в американской печати. В 90-ых годах и в начале этого века Парвус играл видную роль в германской социал-демократии, будучи одним из лидеров ее крайне-левого крыла. Одновременно он сотрудничал в русской социал-демократической «Искре». В Мюнхене, где Парвус тогда жил, он подружился с Лениным, Потресовым и Мартовым. Потом сблизился с Троцким и имел на него большое влияние.

В 1905 году, во время первой революции, Парвус играл большую роль в Совете рабочих депутатов в Петербурге. Вместе с другими руководителями Совета, он был арестован, сидел в Петропавловской крепости, был сослан в Сибирь, но по дороге бежал и снова очутился в Германии.

В годы первой мировой войны Парвус стал одним из главных агентов императорского германского правительства, он организовал, вел и финансировал пропаганду среди революционеров и социалистов России и других стран за победу центральных держав — Германии и Австро-Венгрии — и за расчленение России.

Недавно, в Англии, в издательстве Оксфордского университета, вышла подробная биография Парвуса. Авторы ее — Земан и Шарлау — известные историки; первый — профессор Оксфордского университета, второй — немецкий ученый.* Они хорошо знакомы с историей германской социал-демократии и с историей русской революции. В своей работе — кроме других материалов — они пользовались неопубликованными

* "The Merchant of Revolution". The Life of Alexander Israel Helfand (Parvus) 1867-1924, by Z. A. B. Zeman and W. B. Scharlau. Oxford University Press, London. 1966.

ми мемуарами лидеров германской социал-демократии и многих выдающихся государственных деятелей Германии и Австро-Венгрии. Мемуары эти хранятся в разных архивах, главным образом в известном архиве Амстердамского института. Они также имели доступ к остаткам архива Парвуса. В результате тщательных исследований авторы издали хорошо документированную ценную книгу большого исторического значения. Но эта прекрасно написанная биография примечательного, хоть и весьма несимпатичного, человека, сыгравшего печальную и большую роль в истории России, — интересна не только для историков, но и для широкого читателя.

В предисловии к книге «Купец революции» авторы указывают, что в мемуарах бывшего германского канцлера Бетман-Гольвега и других выдающихся деятелей Германии Вильгельма II-го, как Гельферих, Надольный, генерал Людендорф, министр иностранных дел фон-Кюльман, имя Парвуса совершенно нигде не упоминается. Но главные нацистские пропагандисты Розенберг и Геббельс, еще задолго до прихода Гитлера к власти, не переставали нападать на Парвуса как на «богатейшего еврея и марксистского революционера». Они включили его в список «ноябрьских преступников», врагов немецкого народа, «ответственных за поражение Германии в войне и за крушение Германской империи». На самом же деле Парвус делал все, чтобы Германия вышла победительницей из войны и чтобы Россия не только была побеждена, но и окончательно расчленена.

Легендарный Парвус, настоящее имя которого было Александр Лазаревич Гельфанд, родился в 1867 году, в семье еврейского ремесленника в местечке Березино, бывшей Минской губернии. Гимназию он окончил в Одессе, где примыкал к нардовольческим кружкам.

19-летним юношей Парвус уехал в Цюрих, который был тогда центром русской революционной эмиграции. В Цюрихе Парвус познакомился с членами марксистской «Группы Освобождения Труда», во главе которой стояли Плеханов, Аксельрод и Вера Засулич. Под их влиянием Гельфанд-Парвус стал марксистом. В 1887-ом году Парвус поступил в Базельский университет, где изучал главным образом, политическую экономию. В 1891-ом он окончил университет и получил звание доктора философии. Ему было тогда 23 года. Через некоторое

время Парвус перебрался в Германию и вступил в социал-демократическую партию. Русскую революционную интеллигенцию Парвус никогда особенно не любил. Но, однако, он не порвал окончательно и с русским социал-демократическим движением.

По прибытии в Германию Парвус поселился в Штутгарте, где тогда жили Карл Каутский и Клара Цеткин. Каутский был редактором теоретического журнала социал-демократической партии «Ди нойе цайт», а Клара Цеткин редактировала газету для женщин «Ди глейхайт». Каутский и Цеткин были лидерами штутгартской социал-демократической организации. Парвус часто бывал в доме Каутского и стал постоянным сотрудником его журнала. Он также писал и в журнале Клары Цеткин. Но в Штутгарте Парвусу было тесно, там он не мог развернуться, его тянуло в Берлин. Получив от Каутского надлежащие рекомендации и приехав в Берлин, Парвус сразу же стал сотрудником центрального органа социал-демократической партии, газеты «Форвертс». Но гонорары, которые Парвус получал за свои статьи в социал-демократических изданиях были недостаточны, чтобы жить более-менее сносно, хотя Парвус и показал себя первоклассным журналистом. Вскоре Парвус должен был покинуть Берлин. Прусская полиция заинтересовалась Гельфандом еще до того, как он стал известен среди немецких социал-демократов, и вынудила его оставить столицу. В течение двух лет Парвус переезжал из одного города в другой. Он жил то в Дрездене, то в Мюнхене, то в Лейпциге, то в Штутгарте. Разъезжал он как бедняк, в третьем классе. Каутский был очень высокого мнения о своем молодом друге и рекомендовал австрийским социал-демократам сделать его корреспондентом своего центрального органа, венской «Арбейтер цейтунг». Каутский также запросил лидера австрийской социал-демократии Виктора Адлера, не может ли он помочь Гельфанду стать австрийским гражданином. «Он буквально жаждет стать гражданином какой-нибудь немецкой страны», — писал Каутский. Еще до того, как Парвус перебрался в Штутгарт, он писал Вильгельму Либкнехту в Берлин: «Я ищу государство, где человек может дешево получить отечество».

Живя в Германии, Парвус не порывал связей и с русской революционной эмиграцией. Он даже был членом российской социал-демократической делегации на Международном социалистическом конгрессе в Лондоне в 1896-ом году.

В 1897 году Парвус стал главным редактором саксонской «Арбайтер цайтунг», выходившей в Дрездене, и, как только он стал редактором, из Швейцарии в Дрезден приехал его польский друг Юлиан Мархлевский, став его помощником. Парвус пригласил сотрудничать и Розу Люксембург. Ее первые статьи появились именно в дрезденской «Арбайтер цайтунг». Дрезденские социал-демократы, однако, не были согласны с направлением «Арбайтер цайтунг» под редакцией Парвуса. Между Парвусом и лидерами партии происходили серьезные столкновения. Так, Парвус называл Бернштейна анти-социалистом, предателем, который «саботирует социальную революцию». На конгрессе германской социал-демократической партии в 1898 году в Штутгарте «Тезисы» Бернштейна были отвергнуты, но ему лично конгресс выразил величайшее уважение и полное доверие. Конгресс просил Бернштейна, чтобы он сам пересмотрел свои идеи и потом опубликовал их в форме книги. Парвуса же все лидеры партии резко осудили за его методы полемики и указали, что его аргументы не верны. Но если Парвус не пользовался большим успехом у немецких социалистов, то его статьи против Бернштейна и других «ревизионистов» чрезвычайно понравились лидерам русских социал-демократов. Г. В. Плеханов, как и более молодые социал-демократические лидеры — Мартов, Потресов и Ленин — с большим интересом следили за выступлениями Парвуса против Бернштейна и были от них в восторге. Плеханов, который лично Парвуса недолюбливал, публично благодарил его за статьи в дрезденской «Арбайтер цайтунг», а Ленин в письме из Сибири к своей матери просил ее присылать ему статьи Парвуса из дрезденской «Арбайтер цайтунг».

В 1893 году Парвуса выслали из Пруссии, а в 1898 его, вместе с его другом Мархлевским, выслали и из Дрездена. Но они заблаговременно позаботились, чтобы Роза Люксембург заняла их место редактора. Парвус переехал тогда в Мюнхен и оттуда продолжал писать статьи для дрезденской «Арбайтер цайтунг». В Мюнхене Парвус материально уже не нуждался. Его дом был открыт для всех видных русских и немецких социал-демократов. Есть основания полагать, что именно Парвус уговорил Ленина устроить редакцию «Искры» в Мюнхене. Ленин и его жена Крупская часто гостили у Парвуса. Там, между прочим, Роза Люксембург впервые встретилась с Лениным.

Парвус был сотрудником «Искры», когда она выходила в Мюнхене, и когда, после раскола партии, она выходила в Женеве, как орган меньшевиков.

Вскоре после вспыхнувшей русско-японской войны в начале 1904-го года Парвус поместил в «Искре» ряд статей под общим заглавием «Война и революция». Статьи эти привлекли к себе внимание не только русских социалистов, но и либералов. В этих статьях Парвус предсказывал неминуемое поражение России в Японской войне и в результате поражения — революцию. В этих статьях он выступил за единый фронт всех революционных и оппозиционных элементов в борьбе против царизма. Одновременно Парвус писал, что грядущая русская революция будет иметь большое влияние на другие страны. «Русская революция, писал Парвус, расшатает основы всего капиталистического мира, и русскому рабочему классу суждено сыграть роль авангарда в мировой социальной революции». Приблизительно тогда же Парвус впервые встретился с Троцким, и то короткое время, которое Троцкий и его жена провели в доме Парвуса в Мюнхене, было одним из важнейших событий в бурной жизни Троцкого. Об этом сам Троцкий потом писал в своей автобиографии. Троцкий был на 12 лет моложе Парвуса, и Парвус несомненно имел на него большое влияние.

Когда за границу пришли известия о событиях 9-го января в Петербурге, Троцкий был в Женеве. Он решил немедленно вернуться нелегально в Россию. По дороге он остановился в Мюнхене, чтобы посоветоваться с Парвусом о революционной работе в России. Троцкий пробыл в доме Парвуса несколько дней. Обсуждая события в России, Троцкий оставил у Парвуса рукопись своей брошюры, озаглавленной «До 9-го января», с тем, чтобы Парвус написал к ней предисловие. Парвусу брошюра Троцкого понравилась и он написал предисловие и отправил брошюру меньшевистским лидерам в Женеву, чтобы они ее скорее издали. В своем предисловии Парвус старался доказать, что так как буржуазия в России еще крайне слаба, крестьяне невежественны и неорганизованы, а рабочие — единственный класс, который политически сравнительно сознателен и отчасти организован, то победа народа над царизмом закончится тем, что власть перейдет в руки рабочего класса под руководством социал-демократов. В брошюре Парвуса и Троцкого говорилось, что после падения царского самодержавия

пролетариат использует свою власть не только для того, чтобы установить в России демократический строй, но и для того, чтобы политическую революцию в России превратить в пролог к социалистической революции в Европе. И эта революция не остановится до тех пор, пока не будет и в Европе осуществлена диктатура пролетариата. Эта теория, получившая позднее название «теории перманентной революции», — была в полном противоречии с тем, что до тех пор проповедывали не только меньшевики, но и большевики во главе с Лениным.

Когда в октябре 1905-го года вспыхнула первая русская революция, Парвус вскоре приехал из Германии в Петербург и прямо с вокзала отправился к своему другу и ученику Троцкому. Оба сразу договорились насчет дальнейшей политики и тактики. Парвус сразу же вошел в Исполнительный комитет организовавшегося тогда Совета Рабочих Депутатов. Троцкий и Парвус первым делом откупили маленькую газетку «Русская газета», которую читали, главным образом, рабочие. Они превратили ее в живую революционную газету. Оба, Парвус и Троцкий, почти в каждом номере давали короткие статьи, проповедуя свои идеи. Еще недавно тираж «Русской газеты» доходил до 30-ти тысяч, а через 2-3 недели после перехода газеты в руки Парвуса и Троцкого тираж ее перевалил за 100 тысяч.

Все выдающиеся лидеры РСДРП — меньшевики и большевики, — которые тогда жили за границей, приехали в Петербург, когда Парвус и Троцкий уже не только задавали тон в Совете Рабочих Депутатов, но имели также большое влияние на революционно настроенных петербургских рабочих. И когда меньшевистские лидеры — Мартов, Потресов, Мартынов, Дан и другие — основали большую ежедневную социал-демократическую газету «Начало», они привлекли в редакцию Парвуса и Троцкого. И в этой газете Парвус и Троцкий стали главными идеологами, проповедуя и там свою «теорию перманентной революции». Троцкий и Парвус не довольствовались тем, что писали революционные статьи, они старались провести свою теорию и в жизнь. Они сделали все, чтобы изолировать рабочий класс от остальных классов. Они не переставали нападать не только на умеренных либералов, но и на левых либералов и демократов. Они провозгласили введение явочным порядком 8-часового рабочего дня, объявили вторую всеобщую

забастовку. В результате их слишком поспешной деятельности царское правительство почувствовало себя достаточно сильным, чтобы арестовать сначала председателя Совета Хрусталева-Носаря, а потом и весь Исполнительный комитет Совета во главе с Троцким.

После этих арестов случайно оставшиеся на свободе члены Исполнительного комитета Совета Рабочих Депутатов основали нелегальный Совет с Парвусом в качестве председателя. Под руководством Парвуса новый Совет объявил третью всеобщую забастовку, требуя немедленного освобождения всех арестованных членов Совета. Но на этот раз забастовка была уже полным провалом и вскоре все члены нелегального Совета с Парвусом во главе были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Там Парвус просидел несколько месяцев. Затем правительство административным порядком сослало его на несколько лет в Сибирь, но по дороге Парвус бежал и вернулся в Петербург, а оттуда — дальше в Германию.

За время пребывания Парвуса в России, благодаря той роли, которую он играл в революционных событиях, престиж его среди немецких социал-демократов сильно поднялся. Каутский заказал ему серию статей о России для журнала «Нойе цайт». В Дрездене вскоре вышла книга Парвуса под заглавием «В русской Бастилии во время революции» и даже берлинский «Форвертс», центральный орган германской социал-демократии, который еще недавно не хотел Парвуса знать, теперь открыл ему свои страницы. Однако Парвус вскоре был вынужден покинуть Германию из-за весьма неприятных для него обстоятельств. Дело в том, что после возвращения Парвуса в Германию русские большевики привлекли его к немецкому партийному суду. Они обвиняли Парвуса в том, что он, будучи литературным представителем Максима Горького в Германии, присвоил себе больше ста тысяч марок. Эти деньги он получал от германских театров, в которых с большим успехом шла пьеса Горького «На дне». Через два с лишним десятка лет Горький рассказал об этом поступке Парвуса в своей статье о Ленине. Горький писал: — «Парвус имел от «Знания» доверенность на сбор гонораров с театров за пьесу «На дне». Он получил эту доверенность в 1902-ом году в Севастополе, на вокзале, приехав туда нелегально. Собранные им деньги распределялись так: 20 процентов со всей суммы получал он, остальные дели-

лись так: четверть мне, три четверти в кассу социал-демократической партии. Парвус это условие, конечно, знал, и оно даже восхищало его. За четыре года пьеса обошла все театры в Германии. В одном только Берлине она была поставлена свыше пятисот раз. У Парвуса собралось, кажется, 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал в «Знание» Пятницкому письмо, в котором добродушно сообщил, что все эти деньги он потратил на путешествие с одной барышней по Италии. Так как это, наверно очень приятное, путешествие лично меня касалось только на четверть, то я счел себя вправе указать ЦК немецкой партии на остальные три четверти его. ЦК отнесся к путешествию Парвуса равнодушно. Позднее я слышал, что Парвуса лишили за это каких-то партийных чинов. Говоря по совести, я предпочел бы, чтобы ему надрали уши».

Из книги «Купец революции», мы узнаем, что членами партийного суда, который в 1907-ом году судил Парвуса, были Каутский, Бебель и Клара Цеткин и что после суда Парвус уже не мог оставаться в Германии. В 1910-ом году он уехал в Вену, но и там не мог устроиться. Тогда Парвус решил предпринять путешествие по Ближнему Востоку и прежде всего поехал в Турцию. Троцкий устроил, чтобы он оттуда писал корреспонденции для радикальной газеты «Киевская мысль», сотрудником которой Троцкий состоял. Розе Люксембург Парвус писал, что он едет в Константинополь на 4-5 месяцев. Прожил же он там почти пять лет, и именно там началась самая сенсационная глава в жизни этого человека.

В Константинополе Парвус скоро стал политическим и финансовым советником младотурок и писал передовые статьи для их газеты. А как только летом 1914 года вспыхнула война, Парвус начал в Болгарии и Румынии усиленную агитацию за победу Германии. Эти две страны тогда еще были нейтральны, и оба воюющих лагеря старались привлечь их на свою сторону. В статье, озаглавленной «За демократию, против царизма» Парвус тогда писал, что Германия имеет самую могущественную социал-демократическую партию. Поэтому Германия является олицетворением прогресса, и так как Англия и Франция в этой войне — союзники русского абсолютизма, то ясно, где находятся враги социализма.

Позже, уже в декабре 1918 года сам Парвус писал: — «Я желал победы центральным державам потому, что я хотел пре-

дотворить реакцию победоносного царизма и союзнического империализма, и потому, что я считал, что в победоносной Германии социал-демократия будет достаточно сильна, чтобы изменить режим».

В начале войны Парвус действовал в согласии с программой большинства германской социал-демократии. Но так как он всегда любил деньги и не был слишком разборчив в средствах, то вскоре Парвус стал платным агентом германского правительства.

Из опубликованных документов германского министерства иностранных дел мы знаем, что уже 8-го августа 1914 г. Вильгельм II приказал ассигновать большую сумму на революционную пропаганду в России. Вскоре после этого в Вене и в Львове группа украинских социалистов на деньги австрийского правительства создала «Союз вызволения Украины». Целью его было оторвать Украину от России и создать самостоятельное украинское государство. От австро-венгерского правительства Союз получил большие деньги для ведения пропаганды среди русских военнопленных в Австрии и в Германии, а также в самой Украине.

Как это точно установлено из тайных документов германского министерства иностранных дел, которые после второй мировой войны попали в руки американцев и англичан, а также из документов австро-венгерского министерства иностранных дел, Ленин в самом начале войны получил от «Союза вызволения Украины» 5 тысяч долларов на возобновление своей газеты «Социал-демократ», которую он издавал в Швейцарии. Газета печаталась в незначительном количестве экземпляров и на дешевой бумаге. Отдельные экземпляры ее потом пересылались в Германию. Там фотографическим способом перепечатывались на папиросной бумаге в типографии германского морского министерства уже в большом количестве экземпляров. Потом отпечатанные экземпляры через германского агента и бывшего большевика — эстонца Александра Кэскюла — отправлялись в Копенгаген и в Стокгольм и пересылались в Россию.

Лидер «Союза вызволения Украины» Меленевский-Басок еще в самом начале войны в Константинополе встретился с Парвусом. Парвус выразил свою готовность всячески помогать Союзу. Меленевский познакомил Парвуса с неким доктором

Циммером, ставленником германской и австро-венгерской дипломатических миссий, руководившим всей деятельностью украинского Союза, и Парвус с тех пор работал рука об руку с доктором Циммером. В первых числах января 1915 года Парвус просил Циммера устроить ему встречу с германским послом в Константинополе. 7-го января 1915-го года германский посол фон Вангенхайм принял Парвуса, и Парвус изложил ему свой план. В чем состоял план Парвуса? Об этом в книге «Купец революции» рассказано следующее:

«Интересы германского правительства, — говорил Парвус германскому послу, — вполне совпадают с интересами русских революционеров. Русские социал-демократы могут достигнуть своей цели только в результате полного уничтожения царизма. С другой стороны, Германия не сможет выйти победительницей из этой войны, если до этого не вызовет революцию в России. Но и после революции Россия будет представлять большую опасность для Германии, если она не будет расчленена на ряд самостоятельных государств. Отдельные группы русских революционеров уже работают в этом направлении. Но между ними нет пока тесной связи и единства. Меншевики, например, еще не объединились с большевиками. Для успеха дела, говорил Парвус, необходимо в первую очередь созвать, если возможно в Женеве, съезд всех революционных лидеров, как первый шаг к установлению единства между ними. Но для этого потребуются значительные деньги. Таков был план Парвуса. 8-го января фон Вангенхайм, в подробной телеграмме министерству иностранных дел в Берлине, сообщил о своей беседе с Парвусом. Фон Вангенхайм при этом подчеркнул, что позиция этого хорошо известного русского социалиста и публициста была с самого начала войны «определенно прогерманской». Фон Вангенхайм также передал просьбу Парвуса изложить весь его план министерству иностранных дел в Берлине. После беседы с фон Вангенхаймом, Парвус был уверен, что ответ министерства иностранных дел будет положительный. И он не ошибся».

Встреча Парвуса с германскими дипломатами произошла в конце февраля 1915 года. Ввиду того, что переговоры носили строго секретный характер, никаких документов о них не сохранилось, но в архивах германского министерства иностранных дел сохранился меморандум, который Парвус представил гер-

манскому министерству иностранных дел через несколько дней, 9-го марта 1915-го года. В меморандуме Парвус доказывал германским дипломатам, что только русские социал-демократы в состоянии подготовить новую всеобщую забастовку в России, под лозунгом «Свобода и мир», и при этом подчеркивал, что большевики под руководством Ленина являются самой влиятельной организацией. Парвус считал, что все социалистические группы, которые будут поддерживать Германию, создадут единый фронт. Меншевики и большевики должны сговориться. Еврейский Бунд, украинская «Спилка», обе социалистические партии Польши, латышская и финляндская социалистические партии также должны быть включены в этот единый фронт. Созыв объединительного съезда лидеров всех российских социал-демократических партий Парвус считал лучшим путем для достижения этой цели. Но вместе с этим в самой России и за границей должна быть развернута широкая пропаганда мира. Для этого нужна усиленная финансовая поддержка эмигрантской русской печати антивоенного и пораженческого направления. Парвус упомянул в своем меморандуме парижскую русскую газету «Голос», которую редактировали Мартов и Троцкий, и которая позже была заменена газетой «Наше слово», главным редактором которой был Троцкий.

В специальном приложении к своему первоначальному меморандуму Парвус так сформулировал свою программу, состоявшую из одиннадцати пунктов. Первый пункт программы гласил: — «Финансовая поддержка большевистской фракции Российской Социал-демократической Рабочей Партии, которая борется против царского правительства всеми доступными ей средствами. Ее вожди находятся в Швейцарии. Ленинская группа опытных профессиональных революционеров является лучшей гарантией успеха будущей «Всероссийской массовой забастовки».

Власти Германии в то время мечтали о сепаратном мире либо с Францией, либо с Россией, который дал бы им возможность свести счеты с Великобританией. Авторы книги «Купец революции», основываясь на документах архива германского министерства иностранных дел, пишут: — «Сепаратный мир с Россией в 1915 году был единственным выходом из германского военного тупика. Правительство Вильгельма II-го решило предпринять шаги к примирению с Россией. До конца

июля 1915-го года сепаратный мир с Россией казался Берлину вполне достижимым. Мартовский меморандум Парвуса, поэтому, приходился как раз кстати в их общем плане. Германские дипломаты, конечно, не верили в свержение династии в России, что должно было проложить путь к социализму. Но они были заинтересованы в усилении внутренних неурядиц в России, которые могли бы вынудить царя заключить мир. Германское министерство иностранных дел считало поддержку русских революционеров только средством для оказания давления на царя, чтобы ускорить дипломатические переговоры».

Но Парвус думал совсем иначе. Для Парвуса сепаратный мир Германии с Россией означал бы полнейший крах всего его плана. Заключение мира дало бы царскому правительству возможность подавить революцию, как это было в 1906-ом году. По этой же причине и Ленин был тогда решительным противником заключения какого бы то ни было мира.

Начиная с середины марта 1915 года, Парвус стал главным советником германского правительства по революционным делам в России. Ему была поручена организация единого фронта европейского социализма против царского режима в России. Он должен был помочь социалистическим организациям в России при помощи пораженческой пропаганды, забастовок и саботажа привести к крушению существующий режим.

В конце марта 1915-го года Парвус получил от министерства иностранных дел первый миллион марок для этих целей. По его просьбе деньги в иностранной валюте были переведены в Бухарест, Цюрих и Копенгаген. Авторы книги «Купец революции» пишут: «Первые встречи Парвуса с немецкими товарищами в Берлине были не особенно дружелюбны. Даже те социал-демократы, которые вполне поддерживали военную политику германского правительства, о Парвусе не могли сказать хорошего слова, хотя его политическая позиция почти совпадала с позицией германского правительства. Гуго Гаазе, председатель партии, дошел до того, что предостерег своих товарищей от какого-либо контакта с Парвусом. Гаазе высказал подозрение, что Парвус — агент русского правительства. А когда Парвус пришел к редактору газеты «Форвертс» Штребелю, тот принял его с нескрываемым недоверием. Не лучше отнеслись к нему и его бывшие близкие друзья из левого крыла партии. Когда Парвус явился к Розе Люксембург, она не дала

ему даже говорить, а сразу указала на дверь. Карл Либкнехт, Клара Цеткин и Лев Ибгихес-Тышко тоже приняли его очень холодно. Клара Цеткин назвала его — «сугенер империализма, который продан германскому правительству», — и все они окончательно порвали сношения с Парвусом.

Но в мае 1915 года Парвус прибыл в Швейцарию, где произвел большое впечатление на русских политических эмигрантов. Он остановился в одной из самых роскошных гостиниц Цюриха, жил там, как азиатский монарх, всегда окруженный красивыми блондинками, с которыми пил «самое дорогое шампанское». Екатерина Громан, с которой Парвус был близок, когда она еще работала в петербургской социал-демократической организации, взяла на себя миссию оповестить русскую колонию о прибытии Парвуса. Парвус дал ей значительную сумму для распределения среди нуждающихся эмигрантов. Этот жест еще более усилил слухи о фантастическом богатстве Парвуса. Но самой неотложной задачей Парвуса была встреча с Лениным. Об этой встрече авторы книги «Купец революции» пишут: «Встреча с Лениным была главной задачей Парвуса. Парвус знал, что из всех фракций социал-демократической партии у большевиков самая лучшая организация. Ленин уже высказался против победы царского правительства в войне. Ленин хотел немедленной революции, — международной революции во всех воюющих странах, путем превращения империалистической войны в ряд гражданских войн, но прежде всего он хотел — революции в России. Поэтому, если Парвусу удалось бы сговориться с Лениным, то ему было бы нетрудно перетянуть на свою сторону и представителей всех остальных фракций. В плане Парвуса Ленин был ключом к успеху. К концу мая Парвус в сопровождении Екатерины Громан появился в ресторане, где обычно обедали русские политические эмигранты. Один из русских подвел Парвуса к столику, за которым сидел Ленин с Крупской, с ближайшей приятельницей Ленина Инессой Арманд и другом Ленина Каспаровым. После краткой беседы Ленин и Крупская ушли из ресторана с Парвусом и пригласили его к себе в их скромную квартиру. Сам Парвус в своей немецкой брошюре 'В борьбе за правду' так описал их беседу на квартире Ленина: — 'Я изложил Ленину свои взгляды на социально-революционные последствия войны и в то же время обратил его внимание на то, что пока война продол-

жается, никакой революции в Германии не будет, революция возможна только в России, которая вспыхнет в результате германских побед. Он, Ленин, однако мечтал об издании международного социалистического журнала, при помощи которого он надеялся толкнуть весь европейский пролетариат на путь немедленной революции'».

Ленин и Парвус тогда не пришли ни к какому определенному соглашению. Ленин недолюбливал Парвуса, и не исключена возможность, что он видел в Парвусе некоего опасного конкурента. Ленин знал, что если план Парвуса удастся, то он со временем приобретет большое влияние в русских социалистических организациях и, благодаря своим финансовым ресурсам и интеллектуальным способностям, может обойти остальных партийных лидеров.

Авторы книги «Купец революции» пишут: — «Мы знаем, что эта мысль мелькнула и у самого Парвуса. Ленин, однако, к этим переговорам отнесся чрезвычайно осторожно. В своих публичных заявлениях Ленин никогда не упоминал о своей встрече с Парвусом в 1915 году. Он также не поносил Парвуса, как это делали тогда многие социалисты. Возможно, что Ленин хотел держать открытой запасную дверь, которой он позже, как мы это дальше увидим, и воспользовался. Но тогда, в мае 1915 года, Парвусу не удалось добиться сотрудничества Ленина, и в использовании им нелегальной большевистской организации ему было отказано. Без Ленина Парвус не был в состоянии ни создать 'единый социалистический фронт', ни работать в этом направлении с какой-либо надеждой на успех внутри России».

Однако Парвус в конце концов нашел выход. Перед своим отъездом из Цюриха, он поручил Екатерине Громан оповестить русских эмигрантов, что он хочет собрать группу исследователей для научно-исследовательского Института: изучать причины и последствия мировой войны. Институт этот он собирался открыть в Копенгагене. Обещание Парвуса, что работники Института смогут поехать в Копенгаген через Германию по легальным паспортам вызвало подозрение у многих русских эмигрантов — не является ли «парвусовский институт» учреждением, созданным на деньги германского правительства для пропаганды в пользу победы Германии? Парвусу удалось тогда завербовать только четырех русских эмигрантов: — Екате-

рина Громан, Владимир Перазич, Георгий Чудновский и бывший социал-демократический депутат Второй Государственной Думы Аршак Зурабов. Журнал социалистов-оборонцев «Свобода и Россия», выходивший тогда в Париже под редакцией бывшего большевика Григория Алексинского, утверждал, что парвусовский институт основан на деньги германского правительства, и его задачей является распространение пораженческой пропаганды в союзных странах, главным образом, в России. Это изобличение деятельности парвусовского Института вызвало печатный отпор со стороны участников Института — Зурабова, Перазича и других, протестовавших против «клеветнических выпадов» Алексинского. Но по документам германского министерства иностранных дел, сейчас опубликованным в Америке и в Англии, точно установлено, что парвусовский Институт был основан на деньги германского правительства и именно с той целью, о которой писал Алексинский.

Позже в Институт вступил Моисей Урицкий, игравший видную роль в большевистской революции, а также — Яков Ганецкий. В 1916 году Н. Бухарин очутился в Копенгагене и хотел вступить в парвусовский Институт. Но Ленин посоветовал ему держаться подальше от Парвуса. Ленин также запретил и своему представителю в Скандинавии Александру Шляпникову вступать в какой-либо контакт с Ганецким. Но Ганецкий, именно, **по поручению Ленина** вступил в парвусовский Институт. Авторы книги «Купец революции» объясняют, как это произошло: — «Ганецкий был скрытный, вполне надежный конспиратор, способный действовать одновременно в двух и более ролях. Он часто брал на себя, по поручению Ленина, разные delicate миссии, и так как Ленин хотел иметь своего человека в парвусовской организации, то Ганецкий был самым подходящим для этого человек. Мы имеем все основания утверждать, что Ганецкий примкнул к Парвусу с одобрения Ленина. Когда Ленин в 1915 году одобрил работу Ганецкого в парвусовской организации, то обе стороны от этого выиграли. Ленин был хорошо осведомлен о работе Института, а Парвус через Ганецкого имел прекрасную связь с большевистским главным штабом».

Доктор Циммер, представитель германского правительства, бывший в постоянном контакте с Парвусом, сообщал в Берлин: — «В организации, созданной Парвусом, работает восемь чело-

век и около десяти разъезжают по России, так как это необходимо для поддержания постоянного контакта между различными организациями. Центр в Копенгагене ведет непрерывную переписку с лицами, с которыми агенты установили контакт. Работа так хорошо поставлена, что часто даже люди, работающие в организации, не знают, что за всем этим стоит германское правительство».

В сентябре 1915 года Парвус начал издавать в Германии свой журнал «Ди Глоке». В одном из первых номеров Парвус выступил с защитой тех германских социалистов, которые поддерживали правительство, когда война была объявлена. Он считал германский генеральный штаб защитником интересов пролетариата против царизма. Появление журнала Парвуса и его статьи заставили Ленина выступить открыто в своей газете «Социал-демократ» с заявлением о Парвусе и его журнале «Ди Глоке». Авторы книги «Купец революции» пишут: — «Статья Ленина против «Ди Глоке» была использована большевистскими публицистами как доказательство, что между их партией и Парвусом не было никакой связи. Но Ленин в своей статье воздержался от того, чтобы назвать Парвуса агентом германского правительства. Ленин ни одним словом не обмолвился об их встрече в мае 1915 года. Ленин считал политически целесообразным открыто отмежеваться от Парвуса, не порвав, однако, с ним окончательно. Молчаливое соглашение насчет роли Ганецкого, как помощника Парвуса и одновременно конфиденциального агента Ленина, ни в коем случае не могло быть расторгнуто из-за критики Лениным журнала «Ди Глоке».

30 ноября 1915 года Парвус представил германскому послу в Копенгагене Брокдорф-Ранцау меморандум, в котором обсудил проблему мира и делал ряд новых предложений насчет того, каким образом можно усилить революционное брожение в России. Парвус предостерегал германское правительство от сепаратного мира с царским правительством. Если царь заключит мир с Германией, утверждал Парвус, можно ожидать, что к власти придет реакционное ультра-националистическое правительство, которое не будет чувствовать себя связанным обещаниями царя. Германия, таким образом, будет лишена политических результатов своих побед на фронте. Мир с царем может закончить войну, но не может привести к миру. Россия, писал Парвус, уже достигла такой степени политиче-

ского развития, когда мир с этой страной невозможен до тех пор, пока там у власти не будет правительство, пользующееся доверием народа. Если же, наоборот, Германия не заключит мира с царем, мир снова станет всеобщим лозунгом революционного движения. Жажда мира и крайнее расстройство в стране немедленно приведут к революции. Революционное правительство, которое придет на смену царскому, вынуждено будет в первую очередь закончить войну и предложить немедленный мир.

Брокдорф-Ранцау послал меморандум Парвуса канцлеру Бетман-Гольвегу вместе со своим письмом, в котором подчеркивал, что меморандум Парвуса написан им на основании тайных сообщений его конфиденциального агента, прибывшего на-днях из Петербурга в Копенгаген. Германское министерство иностранных дел немедленно вызвало Парвуса в Берлин. Между 10 и 20 декабря Парвус провел несколько дней в Берлине, где обсуждал свои планы в министерстве иностранных дел и в министерстве финансов. Парвус получил обещание, что германское правительство ассигнует еще один миллион марок специально на пропаганду в русской армии. Германский канцлер не принял тогда Парвуса, но Брокдорф-Ранцау сделал для Парвуса больше чем мог бы сделать сам Парвус. В своем докладе министерству иностранных дел Брокдорф-Ранцау писал, что царь Николай II сам возложил на себя страшную историческую вину, вызвав войну, и не заслуживает никакого снисхождения со стороны Германии. Традиционной дружбе с Романовыми должен быть положен конец. Брокдорф-Ранцау писал:

«Победа и ее вознаграждение — занятие первого места в мире — будут обеспечены за Германией, если нам удастся своевременно вызвать революцию в России, разрушив этим Антанту. После заключения мира внутренний развал в России для нас не будет иметь никакой цены, возможно, что даже будет нежелательным. Несомненно верно, что доктор Гельфанд (Парвус) не святоша и не желанный гость. Он, однако, верит в свою миссию и его компетентность выдержала испытание в революции 1905 г. после русско-японской войны. Я думаю поэтому, что мы должны использовать его, пока еще не поздно».

29-го декабря 1915 года Парвус получил новый миллион марок на поддержку революционного движения в России.

3 января 1916 года Парвус телеграфировал Брокдорфу-Ранцау из Стокгольма: «Все идет, как надо. Жду ответов из Петербурга». В Петрограде и в некоторых других городах в январе 1916 года произошли рабочие забастовки. Забастовки эти были стихийные и не привели к революции, вопреки ожиданиям и предсказанию Парвуса. Недоверие германского министра иностранных дел к Парвусу после этого усилилось. Он выразил подозрение, что фонды, предназначенные германским правительством на революцию в России, текут в карманы самого Парвуса.

В марте 1917 года революция в России вспыхнула, царский строй пал и у власти стало Временное Правительство. 22 марта 1917 года Парвус писал своему приятелю, что хотел бы видеть в России проведение следующих мер: вооружение пролетариата, публичный суд над царем, раздел помещичьей земли между крестьянами, введение восьмичасового рабочего дня на всех фабриках и заводах, созыв Учредительного Собрания и заключение мира. Эта программа в общем соответствовала большевистским идеям. 1-го апреля произошел длительный обмен мнениями между Парвусом и Брокдорф-Ранцау. Парвус выразил глубокое убеждение в том, что Россия устала от войны и жажда мира вскоре охватит всю страну. Поэтому германская армия должна во что бы то ни стало пока воздержаться от наступления на Россию. Парвус боялся, что такое наступление может вызвать среди русских масс настроение в пользу защиты завоеванных свобод. Российская революция должна быть предоставлена самой себе, говорил Парвус, чтобы логически развить последствия столкновения классовых интересов, вызванных ею. В результате, все основы русского государства будут сильно расшатаны. Крестьяне силой захватят землю помещиков, солдаты бросят окопы, перебьют своих командиров. Украинцы, кавказцы и другие национальные меньшинства освободятся от Петрограда и разрушат централизованную организацию российского государства. Голод будет продолжаться, и в результате терпению масс наступит конец. В течение двух-трех месяцев, предсказывал Парвус, самая худшая анархия наступит в России. Германская политика по отношению к революционной России, говорил Парвус, может следовать по одному из двух путей. Германия может начать широкую оккупацию российских территорий с целью сломить централизован-

ную империю или же может заключить сепаратный мир с Временным Правительством. Для реализации первого варианта Парвус рекомендовал сильное военное наступление на **русском фронте**, которое должно быть предпринято месяца через три. Такое наступление, при анархии в стране, приведет к покорению германской армией Южной России и сделает беззащитной остальную Россию. В этом случае германское правительство должно быть готово безжалостно использовать свою победу до конца: разоружение русской армии, разрушение ее крепостей, уничтожение ее флота, запрещение производства военных орудий и амуниции и расширенная оккупация России. Если это не произойдет, то нет никакого сомнения, что русская империя быстро вновь станет могучей и опасной для Германии. Для того, чтобы подготовить почву для такого радикального разрешения русского вопроса, необходимо «поддержать крайнее революционное движение в России, с целью усиления там анархии». Если же Германия не готова для такого решения русского вопроса, или же считает такое предприятие непрочным, говорил Парвус графу Брокдорфу-Ранцау, то оно должно сделать усилие, чтобы заключить сепаратный мир с Россией, но такой мир, который был бы более или менее приемлем для обеих сторон. В противном случае Парвус боялся «повторения того, что случилось с нашими отношениями с Францией» в 1870-ом году, с той лишь разницей, что Франция не переросла нас ни экономически, ни политически, в то время как Россия несомненно со временем вырастет в могучую экономическую и политическую силу, которая превзойдет территориально-ограниченную Германию. Но Парвус считал, что шансы на заключение немедленного мира с Временным Правительством очень невелики. Поэтому он склонялся к тому, чтобы Германия оказала полную поддержку «крайне-левому революционному движению» в России, то-есть Ленину и большевистской партии. Брокдорф-Ранцау протокол своей беседы с Парвусом немедленно послал германскому канцлеру Бетман-Гольвегу и уже в начале апреля канцлер уполномочил германского посла в Берне фон Ромберга войти в контакт с русскими политическими эмигрантами и предложить им проезд в Россию через Германию.

Авторы книги «Купец-революции» пишут: — «Пока технические и легальные средства проезда русских революцион-

ных эмигрантов в Россию через Германию обсуждались в германском министерстве иностранных дел, Парвус уже предпринял первые практические шаги. Так как отправка большого числа русских революционеров была довольно сложным делом, то он считал, что в первую очередь надо немедленно переправить в Россию через Германию Ленина и Зиновьева — двух главных большевистских лидеров. Тут связь между Парвусом и Лениным через Ганецкого оказалась очень ценной. Парвус получил сначала согласие на это германского Генерального штаба, а не Министерства иностранных дел, и тогда попросил Ганецкого известить Ленина, что поездка его и Зиновьева через Германию организована, но не говорить ему ясно из какого источника оказана помощь. Германский агент Георг Скларц немедленно отправился в Цюрих сопровождать Ленина и Зиновьева в их поездке через Германию. Но Парвус ошибся, предполагая, что Ленин немедленно примет предложение. 24-го марта по старому стилю, Ленин просил Зиновьева послать Ганецкому следующую телеграмму: «Письмо отправлено. Дядя (то есть Ленин) хочет знать более подробно. Официальный проезд только нескольких лиц — неприемлемо». Телеграмма Зиновьева была потом напечатана в «Ленинском сборнике» № 13.

Но Георг Скларц выехал из Копенгагена до получения Ганецким телеграммы Зиновьева и он еще более осложнил дело в Цюрихе тем, что предложил покрыть все расходы по поездке двух большевистских лидеров. Ленин немедленно прервал переговоры. Парвус сделал большую ошибку. Без всякого намерения он как-бы устроил западню двум большевистским лидерам. Если бы Ленин принял предложение, поехать в Россию только вдвоем с Зиновьевым, он бы так скомпрометировал себя, что не мог бы принести никакой пользы ни большевикам, ни немцам. Когда Парвус узнал обо всем, он немедленно отправился в Берлин для обсуждения хода событий в России с немецкими дипломатами и одновременно с социал-демократическими лидерами. Лидер германской социал-демократии Филипп Шейдеман, который во время войны поддерживал политику германского правительства, в первом томе своих воспоминаний вышедших в 1928 году, писал: — «Я впоследствии узнал, что поездка Ленина и его друзей через Германию в Россию была организована доктором Гельфандом-Парвусом, который об этом

информировал только нескольких лиц. Нам (то есть социал-демократическим лидерам) он об этом ни слова не сказал».

Авторы книги «Купец революции» пишут: — «Лидеры германской социал-демократической партии ничего не знали о связях Парвуса с министерством иностранных дел и о его деятельности по поощрению хаоса в России... И они снабдили его письмом, в котором уполномочили вести переговоры с русскими изгнанниками, то-есть, с Лениным и другими, официально от имени Центрального комитета социал-демократической партии».

Ленин, по приезду своем в Стокгольм, как известно, отверг предложение Парвуса встретиться лично с ним, но Ганецкий продолжал быть тайным посредником между ними. Вместе с Лениным в Стокгольм приехал Карл Радек. Авторы книги «Купец революции» пишут: — «Фюрстенберг-Ганецкий еще продолжал играть роль посредника между Лениным и Парвусом, но теперь на сцену появился Карл Радек. Он, как известно, был австрийским подданным. Именно с ним Парвус 13 апреля провел большую часть дня. Это была решающая и совершенно секретная встреча». Мы никогда не узнаем точно, что эти два человека говорили друг другу. Мало вероятно, чтобы они потратили много времени, обсуждая марксистские теории. Парвус в состоянии был обещать большевикам большую финансовую поддержку в будущей борьбе их за завоевание власти в России. А Радек был уполномочен Лениным принять это предложение. События последующих месяцев в России дают достаточно доказательств, что именно эта договоренность произошла в Стокгольме 13 апреля 1917 года.

Авторы книги «Купец революции» далее отмечают то, что Радек, как австрийский подданный, тогда не имел возможности ехать с Лениным и другими товарищами в Петроград. Он остался в Стокгольме. Парвус через три дня вернулся в Копенгаген и немедленно отправился к германскому послу Брокдорфу-Ранцау. Он подробно рассказал ему о своих переговорах с Радеком и о том, что Ленин уполномочил Радека принять предложения Парвуса, сделанные им от имени германского правительства. Брокдорф-Ранцау обо всем этом немедленно телеграфировал министру иностранных дел и сообщил, что сам Парвус 18 апреля прибудет в Берлин и будет ждать приглашения на аудиенцию с Циммерманом, главой германского мини-

стерства иностранных дел. Через несколько дней Парвус получил такое приглашение. Аудиенция эта была весьма секретной, никаких свидетелей не было, и протокол об этой длительной беседе Парвуса с Циммерманом не сохранился. Авторы книги «Купец революции» пишут:

«Нет никакого сомнения, что Парвус доказывал Циммерману необходимость поддержки Германией большевистской партии. Большевикам нужны были деньги для расширения своей пропаганды мира в русском тылу, а также среди солдат на фронте, которая уже велась в течение многих месяцев. Эта пропаганда должна теперь значительно усилиться и быть связанной с политикой большевиков. Опасность, что германское военное наступление на восточном фронте поведет к объединению всех патриотических элементов в России и парализует пропаганду мира — все еще существует. От этого больше всех пострадают большевики. Парвус вновь настаивал, чтобы никакого наступления на русском фронте не было в течение нескольких месяцев. Еще раньше министерство иностранных дел просило государственное казначейство о новой ассигновке пяти миллионов марок для политических целей в России, и 3 апреля просьба эта была удовлетворена».

Закончив все свои дела в Берлине, Парвус отправился в Копенгаген, а затем в Стокгольм. Последующие недели он провел в разъездах между этими двумя скандинавскими столицами. Авторы книги «Купец революции» пишут: — «В Стокгольме Парвус большую часть своего времени проводил с лидерами Заграничной делегации ЦК большевистской партии. Похоже было, что он сам, как будто, один из них. Это было единственное заграничное представительство центрального комитета большевиков, который тогда уже находился в Петрограде. Он также был и пропагандным бюро, которое издавало два большевистских органа на немецком языке 'Вестник русской революции' и 'Корреспонденции Правда'. Заведывали этими изданиями Ганецкий, Радек и Вацлав Воровский, который также был известен под псевдонимом П. Орловский... Из всех членов большевистского Бюро Радек был самый деятельный и доминирующий... Кроме Парвуса Радек общался также с неким Гольдбергом, который был агентом депутата германского рейхстага Эрцбергера, а также и с Карлом Моор, швейцарским социалистом, который тогда одновременно работал для швей-

царского, австрийского и германского правительств. Через этих людей Радек давал знать германскому правительству, что победа большевиков над Временным Правительством — вопрос только времени. И он говорил всем, кто только хотел его слушать, что он не ищет квартиру на зиму в Стокгольме, так как отправится в Петроград немедленно после победы большевиков».

Все три члена Заграничного бюро ЦК большевистской партии — Ганецкий, Радек и Воровский — были опытными подпольщиками, которые продолжали бороться против Временного Правительства теми же средствами, какие они употребляли в борьбе против царского самодержавия. Но теперь они были в более выгодном положении. Немцы предоставили в их распоряжение весь свой аппарат дипломатических сношений. Кроме этого еще существовали хорошо испытанные связи между Россией и Скандинавскими странами, которые были установлены экспортной компанией Парвуса в Копенгагене. Директором этой компании был Ганецкий. Слухи о том, что Парвус, благодаря своим связям с Германией и Турцией заработал миллионы, якобы, на поставках хлеба из Балканских стран для германской армии, распространялись, главным образом, теми российскими революционерами, которые состояли в тайных сношениях с ним и через него получали от германского правительства субсидии для своей пораженческой пропаганды. Авторы книги «Купец революции» приводят следующий рассказ члена австро-венгерского посольства в Стокгольме Гребинга о тогдашних торговых делах Парвуса: — «Несомненно, что Парвус и Фюрстенберг-Ганецкий могли и действительно вели, с помощью Германии, экспортную торговлю через Скандинавию с Россией. Этот экспорт германских товаров в Россию шел регулярно и в значительных количествах через фирму Парвуса-Ганецкого следующим образом: Парвус получал из Германии некоторые товары, как хирургические инструменты, медикаменты и химические продукты, в которых Россия очень нуждалась, а потом Ганецкий, как русский агент, отправлял их в Россию. Но за эти товары они Германии ничего не платили, все вырученные ими деньги от продажи германских товаров, с первого же дня революции в России, были использованы, главным образом, для финансирования ленинской пропаганды в России».

«Ленин — пишут авторы книги, — всецело доверял свое-

му политическому Бюро в Стокгольме. Между Петроградом и Стокгольмом все время шел обмен многочисленными письмами. В переписке Ленина с Ганецким с самого начала вопрос о деньгах для большевистской партии занимал первое место. В своем первом письме к Ганецкому, написанном Лениным через несколько дней после его прибытия в Петроград, он жаловался, что «до сих пор не получили никаких денег». 12 апреля по старому стилю Ленин писал Ганецкому: «Дорогие друзья, до сих пор ничего, ровно ничего, ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили. Только две телеграммы от Ганецкого... Пишите чаще. Будьте архиосторожны в сношениях. Ваш В. Ульянов». В письме от 22-23 апреля старого стиля Ленин писал: — «Деньги (две тысячи) от Козловского получены. Пакеты до сих пор не получены... С курьерами дело наладить нелегко, но все же примем все меры. Сейчас едет специальный человек для организации всего дела. Надеемся, ему удастся все наладить... Радеку шлем привет». Эти письма Ленина впервые были опубликованы Ганецким, через пять лет, в московском коммунистическом журнале «Пролетарская революция», № 9, 1922 г.

В июле Парвус был в Берлине. Там он уверял представителей германского министерства иностранных дел в неминусимой победе большевиков. 22-го июля он уехал в Швейцарию. Как раз в эти дни в Петрограде вспыхнуло восстание большевиков. Авторы книги «Купец революции» пишут: — «16 и 17 июля по новому стилю, в то время как Гельфанд-Парвус уверял дипломатов в Берлине о предстоящей победе большевиков, Ленин и его партия организовали восстание против Временного Правительства в Петрограде. Оно было подавлено с некоторыми трудностями, и правительство Керенского решило расправиться с большевиками. 18 июля министерство юстиции Временного Правительства опубликовало ряд документов, которые имели целью доказать, что Ленин и большевистская партия виновны в государственной измене. Документы эти были воспроизведены, как доказательство, что большевики получали деньги от германского правительства. Среди опубликованных документов были деловые телеграммы от Ганецкого и Козловского к г-же Суменсон, петроградской представительнице фирмы Нестл и телеграммы Ленина Ганецкому и Александре Коллонтай. На следующий день, 19 июля, вся патриотическая русская печать большими заголовками оповести-

ла население страны о предательстве Ленина. Руководители этой газетной кампании два журналиста — Григорий Алексинский, бывший лидер большевистской фракции во второй Государственной думе, и Владимир Бурцев, старый революционер и известный историк революционного движения. Оба они обвиняли большевиков в предательской деятельности еще в 1914 году и еще задолго до этого ненавидели Парвуса».

20 июля Бурцев писал в петроградской либеральной газете «Речь»: — «Парвус — не агент-provocator. Он — больше того, он агент Вильгельма II-го». Министерство юстиции Временного Правительства обвинило большевиков в государственной измене. В обвинительном акте говорилось, что Ганецкий и Александра Коллонтай переводили деньги, которые они получали от Парвуса из Стокгольмского Неа-Банк в Сибирский банк в Петрограде на специальный счет госпожи Суменсон, к которому большевики имели доступ. Главное обвинение против обвиняемых было сформулировано в следующих словах: — «Расследование установило, что Яков Ганецкий-Фюрстенберг, проживая в Копенгагене во время войны, имел тесные финансовые связи с Парвусом, агентом германского правительства. Деятельность Парвуса, как агента германского и австрийского правительств, была направлена на поражение России в войне и отделение Украины... Из многочисленных телеграмм, имеющих в руках представителей юстиции, установлено, что между госпожой Суменсон, Ульяновым-Лениным, Александрой Коллонтай и Козловским, проживающим в Петрограде, с одной стороны, и Ганецким и Парвусом, с другой — шла постоянная большая переписка. Хотя в этой переписке говорилось о чисто коммерческих делах, об отправке разного рода товаров и о денежных операциях, но она дает достаточно оснований, чтобы сделать заключение, что это было просто прикрытие для сношений шпионского характера».

На основе имевшихся доказательств прокурор Временного Правительства считал доказанным, что обвиняемые сотрудничали с Германией с целью ослабить боеспособность России. В обвинительном акте далее было сказано: — «Для этой цели и на деньги, полученные ими от Германии, они организовали пропаганду среди гражданского населения и в армии, с призывом к немедленному отказу от продолжения военных действий против врага, а также с той же целью к организации в Петро-

граде с 16-го до 18-го июля 1917 года вооруженного восстания против существующего строя».

Ленину и Зиновьеву, как известно, тогда, во избежание ареста, удалось своевременно бежать из Петрограда и скрыться сначала в деревне, недалеко от Петрограда, а потом Ленин перебрался в Финляндию. Козловский, Суменсон, а позже и Троцкий были арестованы. Вся большевистская партия опять ушла в подполье.

Конечно, Ленин в России, а Радек в Стокгольме, оба решительно отрицали, что большевики получали деньги от германского правительства на пораженческую пропаганду в России. Но известный германский социал-демократ Эдуард Бернштейн в январе 1921 года в своей статье в берлинской газете «Форвертс» писал: — «Ленин и его товарищи получали от правительства кайзера огромные суммы денег на ведение своей разрушительной агитации. Я об этом узнал еще в декабре 1917 года. Через одного моего приятеля я запросил об этом одно лицо, которое благодаря посту, какой оно занимало, должно было быть осведомлено, — верно ли это? И я получил утвердительный ответ. Но я тогда не мог узнать, как велики были эти суммы и кто был, или кто были, посредником или посредниками (между правительством кайзера и Лениным). Теперь я из абсолютно достоверных источников выяснил, что речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно **больше пятидесяти миллионов золотых марок**, о такой громадной сумме, что и у Ленина и у его товарищей не могло быть никакого сомнения насчет того, из каких источников эти деньги шли».

Теперь факт большевистско-германского заговора подтвержден официальными документами германского министерства иностранных дел. Эти документы в конце Второй мировой войны были найдены американской оккупационной армией в Германии в пяти замках, в горах Гарца. Среди них есть тысячи отчетов, писем и телеграмм, касающихся отношений между большевиками и правительством Вильгельма II-го. Некоторые из документов в пятидесятых годах были напечатаны в разных германских и английских газетах и журналах. В 1957 и 1958 годах в Лейдене, в Голландии, вышел на немецком языке под редакцией и с предисловием Вернера Хальвега сборник «Возвращение Ленина в Россию в 1917 году», а в начале 1958 года в

Лондоне, в издательстве Оксфордского университета, на английском языке с предисловием Земана вышел сборник германских документов под названием: «Германия и революция в России». Опубликованные документы германского министерства иностранных дел всецело подтверждают все то, что писали в 1915 году Алексинский, Бурцев и другие о Парвусе, о его Копенгагенском институте, о роли Парвуса, как главного агента германского правительства и германского генерального штаба, а также и все обвинения Временным Правительством Ленина и его соратников в получении немецких денег на разложение русской армии, свержение демократического Временного Правительства и подготовки сепаратного мира с Германией.

29 сентября 1917 года новый германский министр иностранных дел фон Кюльман телеграфировал представителю министерства в главной ставке о подрывной немецкой работе внутри России: «Наш главный интерес — это усилить в России, насколько возможно, националистические и сепаратистские стремления и оказать сильную поддержку революционным элементам. Мы теперь заняты этой работой в полном согласии с политическим отделом генерального штаба в Берлине (капитан фон Гильзен). Наша совместная работа дала осязательные результаты. Без нашей **беспрерывной поддержки большевистское движение никогда не достигло бы такого размера, которое оно сейчас имеет.** Все говорит за то, что движение это будет расти».

Авторы книги «Купец революции», на основе документов германского министерства иностранных дел, пишут: — «Деньги, ассигнованные германским правительством на поддержку большевистской пропаганды и агитации в России, передавались заграничному бюро ЦК большевистской партии в Стокгольме германским посольством в Стокгольме... Единственное лицо, которое знало всю эту историю, был фон Берген, заведывавший в политическом отделе министерства иностранных дел подрывной работой в России».

3 декабря, через месяц после большевистского переворота 1917 года, германский министр иностранных дел фон Кюльман сообщал представителю министерства при главной ставке: — «Лишь тогда, когда большевики начали получать от нас постоянный приток фондов через разные каналы и под различными ярлыками, они стали в состоянии поставить на ноги их

главный орган «Правду», вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкий базис своей партии. Большевики теперь пришли к власти. Как долго они ее удержат — невозможно предвидеть».

Из опубликованных германских документов видно, что и после прихода Ленина к власти Германия потратила десятки, а может быть и сотни миллионов марок на то, чтобы не допустить падения большевистской власти. Авторы книги «Купец революции» пишут: — «9 ноября германское казначейство ассигновало новые пятнадцать миллионов марок для политических надобностей в России. Фон Берген в министерстве иностранных дел знал, что большевистскому правительству придется бороться 'с большими финансовыми затруднениями' и поэтому желательно снабжать их деньгами. По этой же причине немедленно после большевистского переворота в Петрограде, в немецкое посольство в Стокгольме из Берлина были перевены еще два миллиона марок».

Но после того, как большевики уже крепко захватили государственную власть, они, естественно, больше не нуждались в посредничестве Парвуса, как не нуждались уже в этом и немцы. Обе стороны, германское правительство и лидеры большевиков, могли вести переговоры через своих официальных представителей. Но еще 14 ноября 1917 года, то-есть, через неделю после большевистского переворота в Петрограде, когда Парвус был в Вене, он получил телеграмму от членов заграничного бюро ЦК большевистской партии в Стокгольме — Радека и Ганецкого, чтобы он немедленно вернулся в Стокгольм. Парвус вернулся в Стокгольм 17 ноября и в тот же день встретился с Радеком, Ганецким и Воровским. Авторы книги «Купец революции» пишут: —

«Парвус заявил, что он хочет иметь частную беседу с Радеком. К удивлению Радека, Парвус предложил свои услуги советскому правительству и выразил желание просить у Ленина разрешения вернуться в Россию. Ему хорошо известно, сказал Парвус, что в партийных кругах России относятся подозрительно к его военной политике. Поэтому он готов защищать свою политику перед пролетарским судом и готов подчиниться решению такого суда. Парвус просил Радека передать лично Ленину его просьбу и немедленно известить его о решении Ленина».

По словам самого Радека, обращение Парвуса произвело на него глубокое впечатление, и он немедленно отправился в Петроград. По дороге он встретился с Ганецким. Когда они 18 ноября достигли финляндской границы, они оттуда уже послали телеграмму Ленину: «Мы едем экстренным поездом в Петроград. Имеем очень важное поручение. Просим немедленно совещания». К 17 декабря Радек вернулся в Стокгольм. Согласно воспоминаниям Радека, ответ Ленина был не только большим разочарованием для Парвуса, но и глубоко оскорбительным. Радек сообщил Парвусу, что большевистский лидер не может разрешить ему вернуться в Россию и что, по выражению Ленина, «дело революции не должно быть запятнано грязными руками». Политические планы Парвуса окончательно рухнули.

Так Ленин на финише обошел Парвуса, своего партнера по получению десятков миллионов золотых марок от правительства Вильгельма II-го на устройство октябрьского переворота. После захвата власти Лениным, Парвус стал антибольшевиком. Когда вспыхнула германская революция, Парвус уехал в Швейцарию. Позднее он вернулся в Германию.

12-го декабря 1924 года Парвус умер от сердечного приступа, пережив Ленина всего на десять месяцев.

Д. Шуб